

Письма одесских вымогателей и проблема еврейской преступности в Одессе начала XX века*

Из эпистолярного наследия уголовной Одессы

В конце 1914 — начале 1915 г. Одессу захлестнула волна шантажистских писем: обыватели в разных районах города едва ли не ежедневно начали получать письма с угрозами и требованиями крупных сумм денег. Массовая преступность неожиданно обрела форму письменного слова, создавая нарратив самоописания и саморепрезентации; прежде описание и интерпретация преступных деяний были прерогативой репортеров и полиции. Казалось, что "язык преступного мира" записывался самими налетчиками и, минуя посредничество газетчиков и юристов, становился достоянием широкой публики. Теперь все было готово к появлению художественных произведений, осваивающих новое языковое пространство и социальную реальность, придавая популярной в Одессе теме налетчиков статус общенационального мифа: писателям оставалось лишь заговорить на языке, который приобрел самостоятельный статус, после того как был записан его носителями. Именно это и произошло всего через несколько лет, когда благодаря Исааку Бабелю и Константину Паустовскому, Илье Ильфу и Евгению Петрову, Льву Славину и Леониду Утесову появился миф о бравых одесских налетчиках. Как и положено, миф преобразует и расцвечивает породившую его реальность, однако подлинные послания одесских вымогателей ничуть не уступают в экспрессии сочному слогу персонажей Бабеля.

Итак, 15 января 1915 г. потомственный почетный гражданин Николай Петрович Расторгуев получил письмо с угрозами: "Барон миллионеров, мы ждали товарища свободы. Но увы, теперь тебе позорная смерть — жди". (Скорее всего, письмо отправили сообщники налетчика Григория Григораша, которого накануне осудили на 3,5 года за налет на квартиру Расторгуева 18 января 1914 г.) В тот же день Рувин Аронович Биргер получил письмо от кружка "анархистов-коммунистов" с требованием 25 рублей и угрозами в адрес двух его сыновей. И в этот же день Борух Моисеевич Аронберг представил в полицию письмо, полученное им накануне:

"13 января 1915 года. Господин Борис Аронберг чего вы не положили под лестницей где лавка деньги, лучше вы положите а то будет плохо ес-

* Журнал "Ab Imperio"

ли вы хотите положить то положите 5 ч. января я вам одно письмо написал, чтобы вы положили 100 руб. а иначе мы вас уьем и ограбим. С почтением черной шайки помощник Зелим-Хан-Шура".

(И нарисованы две человеческие головы.)

Через неделю жена капитана Евдокия Гринько представила в сыскную полицию писанное карандашом письмо: "Вам грозит смерть принесите деньги 500 руб. 24 января буду ждать вас в 12 час. дня тогда Вас оставлю в покое буду на углу Б-Арнаутской и Канатной я всюду слежу за Вами". Еще через три недели принес письмо с угрозами Дмитрий Большаков:

"Многоуважаемый Дмитрий Ефимович. Прошу вас если вы хотите избежать той гибели, которая в настоящий момент вам предстоит, то только вы можете избавиться если внесете пять 500 р. по нижеуказанному месту, если же вы этого не исполните, то будете убиты когда вы идете на службу или со службы... Деньги представите Коблевская № 26 кв. 2 Филиппу Малярчику..."

Затем на два месяца воцарилось затишье. Новая вспышка вымогательской корреспонденции отмечается только в конце апреля. 24 апреля купец Хаим Пекелис принес в полицию такое письмо:

"Г. Пекелис просим вас немедленно дать откупа 100 руб. или смерть деньги положите возле театра Аполо. Мы много не берем шайка никтертертер в воскресенье 26 апреля 8 час. вечера".

27 апреля принес аналогичное письмо купец Александр Кузнецов:

"Милый Алексаша. Раздай на военные нужды 2000 р. и этом должно быть напечатано в Одесской почте иначе ты будешь убит в течении 3-х дней не прибегай к помощи полиции. Преемник Арсена Люпена".

14 мая жена капитана Гринько получила второе письмо угрозами: "Мы затихли теперь снова мы начинаем действовать на первом плане Гринько, Париенко и Лозинская, шайка "Черная рука" шайка требует у Вас 700 рублей денег...". А 23 мая письмо с требованием 15000 рублей от имени "Черной руки" принес бухгалтер мануфактурного магазина наследников Пташникова Трофим Павлович Стасенко. Но его "Черная рука" писала совсем другим почерком, на другой бумаге, внизу вместо черной корявой лапы был нарисован неуклюжий череп с перекрещенными саблями...

10 июня получил по почте угрожающее письмо Карл Христофорович Топалов:

"Смерть или жизнь

Карл Христофорович Топалов!

Ночь 12го июня мы должны с вами покончить убиты вы будете или

войдем во двор собаки будут отравлены или же взломаем окно ваше залезим и с вами покончим, но чтобы не допускать до убийства приготовьте 500 рублей мы у вас их пока возьмем и временно дело кончим, не думайте что вы заявите полиции мы этого не боимся и каторга нам не страшна.

Словом мы на днях будем [пропивать?] деньги они у вас есть мы знаем все.

От нас братьев разбойников".

Вновь почти месячный перерыв, отмеченный очень вялой активностью преступного элемента. 6 июля владелец аптеки дворянин Антон Гаевский представил в полицию украшенное корявыми завитушками письмо с требованием 25 р. на имя кассирши аптеки Марии Пешинской:

"Милостивая государыня, г-жа Кассирша по приказание моего письма исполнить мою просьбу дать мне двадцать пять рублей денег 26 р. Я думаю лутче дать 25 р. чем продать свою жизнь".

И вновь затишье... 4 сентября 1915 г. Фрейда-Тауба Симо-Бомзе также получила письмо анонимных шантажистов:

"Здравствуйте мадам Бомза Хана от вас мы просим чтобы вы нам вынесли 300 руб. <...> В случае отказа будет в вашу квартиру брошена бомба пока не получим от вас это что требуем, то будет ваш дом от бомб разнесен немедленно в казанное число доставить 300 руб. будем втроем сидеть на станции".

И снова спадает накал страстей на страницах донесений сыскальной полиции, регистрируется лишь хулиганская выходка солдата на рынке и кража типографского шрифта. А в январе 1916 г. фиксируется новая вспышка распространения вымогательных писем от имени "Черной маски", "Черной руки" и прочих персонажей, избегающих цвета хаки...

"Нулевая степень" писем и "гранд-нарратив" Одесской преступности

Появление "одесского мифа" о разудалых одесских налетчиках, в основном, евреев по происхождению, явилось не только важным фактом развития советской литературы. Этот миф оказался востребованным историками (как в России, так и за ее пределами), которые пытались осмыслить девиантное поведение в Одессе как целостное явление. Дело в том, что даже в столь редкой своей — письменной — форме преступление остается такой же непроницаемой для понимания дискурсивной "черной дырой", как и другие феномены, недоступные опыту внешнего наблюдателя:

самоубийство (и вообще смерть), безумие, сознание животных или принципиально чуждых культур... Одесский миф является первым кандидатом на роль обобщающего метанарратива, набора универсальных тропов и интерпретаций благодаря предельному "реализму" своей поэтики. Действительно, разве напоминает письмо от "Зелим-Хан Шуры" Борису Аронбергу цитату из вымогательского письма Бени Крика — ведь именно так, а не наоборот, воспринимает ситуацию современный исследователь:

"Типичный налет в Одессе начинался с вымогательного письма, которое получал владелец предприятия... В этом письме вымогатель требовал, чтобы владелец собрал назначенную сумму денег и доставил ее в указанное место. Такие письма неизменно содержали некоторые из тех штампов, которые встречаются в деловых письмах".

Исследование одесских полицейских архивов и газет начала века свидетельствует о том, что широкое распространение вымогательские письма получили лишь во время первой мировой войны, когда усиленные меры безопасности в стратегически важном портовом городе Одессе крайне затруднили проведение традиционных налетов. В 1912-1913 гг. зафиксированы единичные случаи получения горожанами писем шантажистов. Всплеск активности почтовых вымогателей весной 1915 г., очевидно, показался начальнику сыскальной части одесской полиции новым и важным явлением — настолько, что он решил посвятить одному из писем отдельное донесение начальству.

Отличительной чертой этого всплеска эпистолярного шантажа после 1914 г. был его сугубо криминальный характер: почти все письма подписываются от имени всевозможных разбойников, шаек "Черной руки" и прочих персонажей популярной приключенческой литературы. Преступники не скрывают, что требуют денег ради личного обогащения.

Напротив, в период после первой русской революции вымогательские письма были характерны не для заурядных аферистов, а для "идейных" анархистов-экспроприаторов (письма должны были документировать "высокие" цели налета), и даже заурядные шантажисты прикрывались революционной фразой. Позднее вымогательские письма начинают ассоциироваться с молодежным хулиганством. Очевидно, что некоторые из процитированных писем 1915 г. ("Милый Алексаша... Преемник Арсена Люпенана...") являлись скорее аналогами современного телефонного хулиганства/терроризма — юный автор явно начитался дешевых детективов из иностранной жизни про благородных апашей. Никаких налетов вслед за получением письма с угрозами в 1910-х годах обычно не фиксировалось.

Корявый, но экспрессивный язык писем на самом деле распадается на разные диалекты "одесского русского": тех, для кого родным был идиш, и тех, кто привык разговаривать на украинском или суржике, а также тех "русских", кто просто не владел письменным языком... Бабелевский смачный язык еврейских обитателей Молдаванки — столь же искусственная конструкция, сколь и наблюдательное воспроизведение реальных речевых оборотов реальных одесситов (но не обязательно евреев). Да и само расхожее представление о том, что прототипом Бенциона Крика был налетчик Мишка Япончик (Винницкий), является лишь мифом: десять лет вплоть до февральской революции Михаил (Моисей Вольфович) Винницкий сидел на каторге за участие в анархистских "эксах" в ранней юности, его карьера короля Молдаванки длилась чуть больше года, трагически оборвавшись в 1919 г. В то же время ни о каком воровском синдикате в Одессе (а бабелевский Беня Крик воплощает именно миф о еврейской организованной преступности) до революции 1917 г. не могло идти и речи — и не шло: ни в полицейских документах, ни на страницах одесских газет.

Одесский миф, безусловно являющийся самостоятельным культурным феноменом, не может и не должен оцениваться с точки зрения степени его соответствия "исторической реальности". Живя своей судьбой и обладая собственной историей, он не может помочь исследователю собрать разрозненную мозаику эпизодов этнической еврейской преступности в Одессе воедино, в некую комплексную модель.

По ту сторону уголовной статистики

Прямой противоположностью художественному мифу и реальной альтернативой ему кажется сухая и точная наука статистики. Действительно, собранные официальными лицами цифры рисуют более нюансированную картину по сравнению с крупными мазками экспрессионистского полотна литературного одесского мифа.

В начале XX в. евреи стабильно составляли одну треть бурно растущего населения Одессы (за пятнадцать лет, с 1897 по 1912 г., число жителей города выросло на 50%, доля же евреев среди одесситов колебалась в пределах 31-35%). В 1912 г. из 620 тысяч жителей Одессы евреи составляли 200 тысяч, представляя вторую по численности группу населения после русских. В то же время, в 1913 г. в Одесском судебном округе было осуждено за разные преступления всего 122 лица иудейского вероисповедания (в Киевском — 222, а в Варшавском даже 659 евреев). За решетку отпра-

вили 21 рецидивиста-еврея и 116 рецидивистов-русских (то есть православных). Как видим, согласно судебной статистике, роль еврейского элемента в городской преступности была незначительной, во всяком случае, она была намного ниже процента евреев в населении города.

Впрочем, официальная статистика никак не подтверждает и славы криминальной столицы — "Одессы-мамы". В 1913 г. процент осужденных к общему числу горожан был в Одессе почти в два раза ниже, чем в Нижнем Новгороде, уступала Одесса по криминализации населения Казани и Баку. Никак не отмечает повышенную криминогенную обстановку в Одессе и такое ведомственное издание, как "Вестник полиции". Что действительно выделяло Одессу на фоне других местностей империи, так это беспрецедентный прирост судебных дел в начале XX в. (вполне соответствующий, впрочем, необыкновенной социальной динамике города): с 1901 по 1905 г. ежегодное количество дел, заведенных в Одесском судебном округе, выросло на 49% (в то же время в Московском округе прирост составил 37%). Число дел о телесных повреждениях выросло за 20 лет (1885-1907) в 4-5 раз. То есть можно говорить о том, что жизнь в одном из наиболее динамично развивавшихся городов Российской империи была отмечена комплексным социальным стрессом, вызванным (наряду с острым жилищным кризисом и проблемой занятости) также и ростом преступности, которая, однако, не превышала среднероссийского уровня.

Евреи вообще никак не выделялись в общеимперской криминальной статистике: процент евреев среди осужденных колебался в пределах 3,4-3,9%, то есть был чуть меньше доли евреев в населении империи (4,15% в 1897 г.). Сомнительное первое место по числу арестантов на каждые сто тысяч представителей данной этнической группы в 1909-1913 гг. принадлежало полякам, а за ними следовали русские, латыши и литовцы; евреи, как правило, демонстрировали показатели ниже среднего по империи. Так, если в 1913 г. в среднем по России на каждые 100.000 человек приходилось 104 осужденных, то из каждых 100.000 евреев только 97 были осуждены, а из каждых 100.000 поляков — 130. В то же время евреи не были и образцом законопослушности, так как в том же году этот показатель для тюрко-мусульманских народов, к примеру, составил только 55 человек.

Таким образом, официальная судебная статистика лишает проблему еврейской криминальности не только сенсационности, но и какой-либо исключительности: цифры рисуют ситуацию, лишь незначительно отклоняющуюся от нормы, причем в сторону большей законопослушности евреев. Однако, как известно, криминальная статистика, а тем более судеб-

ная, может являться лишь косвенным индикатором общей динамики преступности. Далеко не все арестанты становятся осужденными, не все преступники арестовываются, значительная часть преступлений вообще не регистрируется (особенно экономические или сексуальные). В случае полиэтнической империи и такого многонационального города, как Одесса, уголовная статистика не может рассматриваться даже в качестве надежного свидетельства "относительной криминогенности" того или иного этноса. Официально регистрируются, в основном, деликты, последствия которых выходят за пределы данной общины, или те конфликты, которые не могут быть урегулированы в рамках официальных или неофициальных структур самоуправления. Поэтому статистика количества правонарушений или судебных приговоров на сто тысяч представителей той или иной этнической группы свидетельствует скорее о степени интегрированности данной этнической группы в институциональную структуру государства: именно этим, очевидно, объясняется невероятно низкий уровень осужденных среди "горячих" тюркских народов Кавказа по сравнению с народами западных окраин (поляками и прибалтами) — в 2,5 раза! И в случае Одессы цифры осужденных евреев могут оказаться значительно заниженными по сравнению с цифрами осужденных русских. Таким образом, официальная статистика является второстепенным источником для изучения роли еврейской криминальности внутри еврейской общины в Одессе.

Остается опираться на источники, с трудом поддающиеся ретроспективной статистической обработке: газетные публикации и полицейские отчеты. Основываясь на анализе содержания всего двух популярных одесских газет (из нескольких дюжин, выходивших в городе), Рошанна Сильвестр убедительно воссоздает атмосферу виртуального присутствия еврейской криминальности как постоянного фактора городской жизни в Одессе. Регулярные (два раза в неделю) донесения начальника одесской сысской полиции в Жандармское управление о значительных происшествиях, зафиксированных полицией, являются более репрезентативным источником, хотя в них далеко не всегда указываются этничность или вероисповедание упоминаемых лиц (что заставляет обращаться к традиционному "имперскому" приему определения национальности по имени и фамилии). Даже если рассматривать донесения, прежде всего, как нарративный источник, обращает на себя внимание значительный удельный вес "еврейских" сюжетов. Можно с достаточной степенью уверенности говорить о том, что по информации сысской полиции (которая, кстати, никак дискурсивно или символически не выделяла этноконфессиональный

аспект регистрируемых происшествий), евреи играли значительную роль в общей криминогенной ситуации, часто давая 25-50% зафиксированных случаев.

"От крови — к мошенничеству" или "от народничества — к марксизму"?

К началу XX в. в среде криминологов сформировалось представление о том, что характер преступности изменяется вместе с модернизацией общества в целом и отдельных социальных групп: на смену жестоким и насильственным действиям в отношении личности приходят преступления против собственности (или "white-collar crime", в современной интерпретации этой теории). Соответственно, среди более примитивных народов доминирует первый тип преступности, а среди цивилизованных — второй. Например, российский общественный дискурс (выраженный в произведениях литераторов-"реалистов") представлял дело следующим образом: "Татары совершают преступления самые тяжкие: убийства, грабежи и проч., — евреи же преимущественно грешат против собственности". (Под татарами понимались не только средневожские татары и башкиры, но и тюркские народы Кавказа.) Официальная статистика подтверждала это наблюдение: действительно, в 1907 г. за кражу осудили почти в два раза больше евреев, чем татар, зато за убийства — более чем в пять раз больше татар, чем евреев. Эти цифры специально комментировались, причем подчеркивалась политическая активность евреев (особенно актуальная в 1907 г.):

Существенные отличия от всех остальных национальностей представляет преступность евреев. На первом месте у евреев стоит кража, но на втором не преступления против порядка управления или телесные повреждения, а — преступления государственные, за которые осуждено около 22% общего числа осужденных евреев. Между тем русских за государственные преступления осуждено только 7% общего числа, литовцев и поляков — менее 5%. Далее, среди евреев сильно развиты: нарушение уставов казенных управлений, мошенничество... С другой стороны, сравнительно мало осуждено евреев за убийство, нанесение телесных повреждений...

Мишель Фуко возводит старое наблюдение криминалистов в основной закон модернизации, описанной с точки зрения борьбы общества со своими врагами:

Фактически переход от криминальности крови к криминальности мошенничества формирует часть целого комплексного механизма, включающего в себя развитие производства, рост благосостояния, повышение юридической и моральной значимости отношений собственности, более строгие методы надзора, более плотное разделение населения, более эффективные техники обнаружения и получения информации...

В этой перспективе еврейская криминальность (в частности, в Одессе) должна рассматриваться как свидетельство модернизированности российского еврейства и в то же время его виктимизации со стороны российского государства и общества в целом. Помимо невысокой объясняющей ценности этой гипотезы (что нового привносит она в наши представления о российском еврействе или о социальных и этнических границах в Одессе?), она не находит никакого фактического подтверждения. Действительно, в историографии распространено мнение о том, что для черты оседлости был характерен очень невысокий уровень еврейской преступности и низкий градус внутриобщинного насилия. Отсутствие сведений, оспаривающих этот тезис, и распространенность мифа (среди евреев и антисемитов в равной степени) о том, что еврей никогда не навредит еврею, являются основным фундаментом этого мнения. Однако частично цитировавшиеся выше сведения о еврейской преступности в Одессе рисуют совершенно иную картину: очень много евреев участвуют в преступном насилии по отношению к другим людям, в том числе и к евреям. Речь идет не об абстрактных дискурсивных проекциях общества на представителей нежелательного сегмента населения, а о реальных побоях, изнасилованиях и убийствах.

Традиционная модернизаторская схема "от криминальности крови к криминальности мошенничества" в данном случае не работает, так как по сравнению с любыми эксцессами в черте еврейской оседлости Одесса выступала в роли одновременно и Содомы, и Гоморры. Если же учитывать уровень насилия, в котором будут замешаны евреи в период революции, гражданской войны и первых советских десятилетий (участие в бандах и карательных отрядах, военных частях и органах ВЧК-ГПУ-НКВД), то вектор получается просто диаметрально противоположной направленности: от "мирной" контрабанды, воровства и мошенничества — до систематического физического насилия и убийств.

Альтернативный подход к проблеме преступности, рассмотренный в предыдущем разделе, кажется более адекватным одесскому случаю. Рассмотрим его с точки зрения феномена спонтанной самоорганизации населения и проблемы комплексной социальной интеграции.

КОЛОНИСТЫ

В отличие от других местностей Российской империи, где этнические группы проживали на одной и той же территории столетиями, а традиции государственности насчитывали едва ли не тысячу лет, Одесса в XIX в. представляла собой недавно заселенную колонию. Город, возникший практически на пустом месте в причерноморской степи, не могли назвать "исконно своим" ни пришедшие из внутренних губерний великороссы, ни мигрировавшие из сел украинцы, ни бежавшие из местечек в черте оседлости евреи, ни перебравшиеся из Бессарабии молдаване, ни тем более многочисленные греческо-, турецко- и прочие подданные. Никаких предустановленных сценариев распределения ролей и "полномочий", и освященных обычаем границ между этническими группами в Одессе не существовало.

Имперская власть была представлена в полной мере в Одессе с момента зарождения города, однако для нее были характерны те же домодерные практики управления, что и в других областях империи, где немногочисленная администрация опиралась на формальные и неформальные структуры сословного и духовного самоуправления. В Одессе же этнические и конфессиональные общины не имели той высокой степени жесткости и легитимности, что на "большой земле". Именно полицейские документы с их фиксацией на формальном (сословном) статусе горожан демонстрируют всю абсурдность старых социальных разграничений. Вот лишь несколько взятых наугад случаев: крестьянин Николай Ясинский и дворянин Вениамин Николаев под видом агентов сысской полиции вымогают пять рублей у мещанки Неси Неханкис; просившая милостыню мещанка Ефросиния Полянская украла у крестьянина Иосифа Кручинского золотые часы за 85 рублей; у мещанина Василия Захарчука на Привозе украли кошелек аж со 170 рублями, а потомственный почетный гражданин Абрам Борецкий промышлял кражей дамских сумочек. Сословие, род занятий и материальный достаток в этих и многих других случаях вообще никак не коррелируют друг с другом.

Особенно характерен в данном случае пример евреев, которые в Одессе вели себя совершенно иначе, чем в местечках черты оседлости: любовь к театру и другим светским "космополитическим" развлечениям явно перевешивала религиозность, традиционная общинная замкнутость уступила место открытости социальных взаимодействий. Перед одесскими ев-

реями, свободными от узких рамок традиционной местечковой социальности, стояла задача выработки нового, светского и современного модуса социального и политического поведения, выстраивания внутриобщинных и межобщинных связей. Институционализируемая власть была не готова регулировать социальные процессы на микроуровне, что оставляло широкий простор для самостоятельной инициативы населения, в том числе и криминального характера. Власть пользовалась относительной неопределенностью юридического статуса горожан и их институтов для достижения своей главной цели— административно-политического контроля; попытка достичь этой цели при помощи неких универсальных норм, одинаково действующих на территории Туркестана и Финляндии, была бы куда менее эффективной и затратной. Но и рядовые горожане пользовались ситуацией "правового релятивизма" в своих интересах, подчас слишком далеко пренебрегая пластичными и пористыми рамками закона. Горожанам приходилось встраивать новые социальные практики и проводить новые социальные границы наугад и "на ощупь", методом проб и ошибок. Большая часть нового социального опыта формировалась в "серых зонах", недостаточно или вовсе никак не определенных имперским законодательством, модернизм "прорастала" в промежутках между редкой сеткой юридических норм архаической империи.

Постскрипtum

В заключение вернемся в Одессу 1915 г., к началу этой статьи. Постепенно нарастающие экономические трудности и отсутствие надежды на скорое улучшение ситуации, приток беженцев делали людей раздражительными, менее терпимыми друг к другу. В августе в одной популярной кондитерской произошел следующий примечательный эпизод, рассказанный в газете "Маленький одесский листок" фельетонистом "Бедовым". Фотограф Белоцерковский (еврей) послал прислугу (очевидно, православную) в кондитерскую. Кассирша должна была дать сдачу 2 р. 50 коп., а медная и серебряная мелочь в обстановке ползучей инфляции уже стала дефицитом. Кассирша спросила:

- Вы от русских?
- Нет.
- Тогда нет сдачи.

Несмотря на нервную обстановку в стране и городе и разворачивающуюся кампанию по поиску внутренних врагов, даже такой мелкий слу-

чай дискриминации по этническому признаку (по современным российским понятиям — заурядного хамства) не воспринимался в Одессе как обыденный и "нормальный". Включился механизм саморегуляции, и случай стал достоянием гласности. "Политически некорректную" кассиршу в тот же день уволили. Что характерно, такой исход не удовлетворил ни фельетониста, ни пострадавшего фотографа Белоцерковского. Они обратились через газету к владельцу кондитерской с просьбой взять кассиршу назад, называя ее слова "необдуманной фразой", уверяя, что она осознает свою оплошность. Оказалось, перед разговором с прислугой какая-то покупательница сказала кассирше:

— Надо спрашивать покупателей, кто они, если не русские — сдачи не давать.

Так замотавшаяся женщина и поступила.

Эта рождественская история, случившаяся в конце августа, свидетельствует о том, что потенциальные источники межэтнического конфликта находились в самом одесском обществе, возникая ежедневно и повсеместно. Однако очевидно, что в состоянии относительной стабильности окружающего мира одесское общество обладало удивительно устойчивым механизмом интеграции и социализации — по обе стороны официальной законности. Динамично развивающееся и постоянно "втягивающее" в себя посторонних членов, находящихся еще в состоянии относительной аномии (подобно кассирше, "необдуманно" нарушающей общепринятые нормы поведения), оно осваивало новую реальность и новых людей, сохраняя при этом неизменными очень важные элементы своей идентичности: открытость, терпимость и креативность, нередко выступавшие в роли уголовного деликта. Вероятно, в эту устойчивость в какой-то степени внес вклад и страшный октябрьский погром 1905 г., хотя бы тем, что обозначил те пределы, за которыми динамично развивающаяся открытая система ввергалась в пучину действительно деструктивного хаоса.

В ситуации слабой или неэффективной государственной власти, аномии "колониальной" неукорененной жизни, спонтанного возникновения и развития социальных иерархий и неформальных властных отношений незаконная деятельность одесских евреев (как и остальных одесситов) являлась более комплексным феноменом, чем банальная "преступность". В начале XX в. около 50 тысяч одесских евреев существовали на грани физического выживания и примерно такое же количество их более удачливых соплеменников выживало за счет поиска лазеек в дискриминирующем антиеврейском законодательстве. Все это создавало питательную

среду для своеобразной формы социальной организации и даже самоуправления (на уровне банд).

Повышенная заметность еврейской преступности в общественном дискурсе (по сравнению с официальной статистикой) и определенные ее характеристики, зафиксированные в тысячах изученных случаях, дают основания видеть в ней также проявление конфликта между институтами архаического государства и быстро модернизирующегося "колониального" анклава внутри империи ("фронта"). Одесские евреи чувствовали и вели себя иначе, чем евреи в других частях России (и мира), находя собственный путь интеграции в "большое" общество, который был не всегда легальным.

